

М. Алданов

С. В. РАХМАНИНОВ

В этой огромной потере, понесенной русским и мировым искусством, есть разве одно утешение: жизнь Сергея Васильевича Рахманинова была счастливой, поскольку может быть счастливой жизнь великого артиста. Счастлив он был и в своей частной жизни, и в своей работе, в своем творчестве. Слава пришла к нему очень рано. Рахманинову не было двадцати лет, когда в тесном московском кругу заговорили о «новом Моцарте». Двадцати лет от роду он написал и свою знаменитую «Прелюдию». Кстати сказать, необычайный успех этого юношеского произведения, вот уже пятьдесят лет исполняемого пианистами во всех частях света, очень раздражал самого Сергея Васильевича. ««Прелюдию» все знают, «Колоколов» почти никто не знает», — говорил он сердито: сам он считал своим лучшим произведением «Колокола». Чайковский один из первых отметил громадный талант молодого Рахманинова и в последний год жизни говорил с ним почти как с равным. Сергей Васильевич в юности работал очень легко: оперу «Алеко» он написал в две недели. Незадолго до своей кончины Чайковский сказал ему: «Как вы много за это время написали! А я только одну вещицу!» (Эта вещица была Патетическая симфония). Рахманинов стал всероссийской знаменитостью тридцати лет от роду. Достаточно сказать, что А. П. Чехов просил и убеждал именно его написать музыку на сюжет «Черного монаха».

Позднее за всероссийской славой пришла слава мировая. «Со времен Листа я не слышал пианиста, равного Рахманинову», — сказал после его кончины старый, известнейший музыкант. На этом сходятся все: действительно, играть лучше, чем Рахманинов, невозможно. В известную же пору своей жизни он как дирижер был не менее знаменит, чем как пианист. Еще двадцать пять лет тому назад, лишь только С. В. в начале большевистской революции покинул Россию, его из Америки многократно по телеграфу просили стать руководителем Бостонского симфонического оркестра. Такие же предложения он получал и позднее и неизменно их отклонял, хоть не без колебания. Кажется, он тяготился дирижерской работой еще в опере Мамонтова и в Большом театре: опасался, что работа убьет его как композитора.

Как композитор он имел в Европе и в Америке успех менее шумный. Не все его шедевры были оценены по заслугам. Однако именно в последние годы (даже в последние месяцы) в Соединенных Штатах — говорят, и в России — намечается «возвращение к Рахманинову». Надо надеяться, время все поставит на свое место. После кончины Сергея Васильевича в статьях американских газет больше,

слава Богу, не говорилось ни о «подражании Чайковскому», ни об «устарелом стиле», ни об «отсутствии русской национальной стихии». Отсутствие национальной стихии у Рахманинова вообще отмечали главным образом иностранцы, очевидно глубже ее чувствующие, чем этот человек, родившийся в великорусской деревне, выросший в Москве и вдобавок принадлежавший к одной из старейших русских семей (Рахманиновы появляются в русской истории при Иване III, с которым они, кажется, породнились). Как бы то ни было, лучшие американские музыкальные критики теперь называют Рахманинова очень большим композитором и говорят, что его творениям предстоит долгое будущее. Признали его гениальным человеком и советские музыканты. К счастью, оказались и в современной русской культуре такие явления, в восторженной оценке которых сходимся мы все, независимо от разделяющего нас географического рубежа.

Обо всем этом будут, конечно, писать на страницах «Нового Журнала» более компетентные лица, чем автор этих строк. Мне хотелось сейчас хоть весьма кратко, хоть несколькими словами почтить память необыкновенно обаятельного и выдающегося человека.

Рахманинова породила среда очень старой музыкальной культуры. Многие его предки были музыканты-любители. Его дед был одним из лучших учеников Фильда и принадлежал к кружку, связанному с именами Одоевского и Виельгорского. Правда, родные Рахманинова никогда не были профессиональными музыкантами. Отец Сергея Васильевича, гвардейский офицер и страстный музыкант, говорил, что для дворянина музыка может быть только удовольствием, но никак не профессией. Он собирался отдать сына в Пажеский корпус. Помогло разорение семьи, в свое время богатой. Рахманинов стал «профессиональным музыкантом» — и своего рода, как известно, не опозорил.

С ранних лет он попал в другую среду: в ту, с которой связано самое лучшее и драгоценное в новейшей истории России. В старшем поколении он знал лично Толстого, Чайковского, Римского-Корсакова, Антона Рубинштейна (которого считал величайшим из всех пианистов). Его друзьями, приятелями или по крайней мере близкими знакомыми были Зилоти, Аренский, Скрябин, Гречанинов, Брандуков, Чехов, Бунин, Шаляпин, Станиславский, Давыдов, Серов, Коровин. Сергей Васильевич рассказывал редко и, кажется, неохотно, он никак не был *sauteur*¹; но иногда рассказы его бывали очень ценны даже для «большой истории» русской культуры (помню, когда-то меня поразивший и нигде в печати не появлявшийся рассказ С. В-ча об его разговоре с Л. Н. Толстым), иногда просто очень забавны (напр., о свадьбе Шаляпина, на которой он, Рахманинов, в седьмом часу утра дирижировал импровизированным хором, состоявшим из множества знаменитостей).

Я знал его много лет, хотя и не близко. Встречался с ним на Ривьере, в Париже, в его имении Клерфонтен, в последние два года в Нью-Йорке. Многие считали его холодным человеком. Еще в молодости, когда он давал уроки музыки, Сер-

¹ Говоруном (*фр.*).

гей Васильевич наводил страх на своих учеников и учениц каменным лицом и строгостью манер. Он действительно никак не был «душой нараспахку» и к этому не стремился; но был он человеком добрым, благожелательным и отзывчивым. Иногда бывал совершенно очарователен. Помню встречу Нового года у его дочери Ирины Сергеевны. Друзья и сверстники внучки Сергея Васильевича танцевали — под снисходительным взглядом Фокина, ныне тоже покойного. Сам Рахманинов исполнял обязанности тапера — и очень охотно, сияя радостью, играл вальсы для молодежи, беспрекословно подчиняясь всем указаниям своей любимицы внучки. Помню обед на Ривьере, в Жюан-ле-Пен, лет семнадцать тому назад, — поистине блестящий рассказ Сергея Васильевича о музыкальной и артистической Москве, затем его спор с Буниным, бывший для слушателей истинным наслаждением. От характера С.В. Рахманинова у меня прежде всего остается впечатление совершенной порядочности, сдержанности и благородства. Сдержанность, мера и благородство тона были особенностями и его гениальной игры — недаром же его назвали «Пушкиным роля».

Он очень много читал и интересовался, кажется, всем в самых разных областях искусства. Любимым его писателем был Чехов, к которому он относился с благоговением и как к человеку. Чехов — Рахманинов — сочетание этих двух имен напрашивается само собой. Гораздо сложнее вопрос о музыкальной генеалогии Сергея Васильевича. О ней надлежит судить музыкантам, но уж, конечно, Рахманинов вышел не из одного Чайковского. Как он ни преклонялся перед своим учителем, Бетховена и Вагнера (особенно Вагнера «Мейстерзингеров») Сергей Васильевич ставил еще выше. Музыкальная культура его была всеобъемлющей; здесь ему, верно, послужило службу его прошлое дирижера. В музыке он знал решительно все. Он не раз говорил, что «не любит и не понимает модернистов». Очень неопределенно это слово — «модернисты», да и как мог Рахманинов кого бы то ни было «не понимать»? Во всяком случае, новейшая музыка ему была почти так же хорошо знакома, как старая, как классическая, и он относился к молодым композиторам без враждебности, которую почему-то полагается приписывать старым знаменитостям. При последней моей встрече с ним он говорил о Седьмой симфонии Шостаковича и отзывался о ней лестно и благожелательно, с иронией относясь лишь к чрезмерному шуму, создавшемуся вокруг этого замечательного произведения: «Новый Бетховен?! Зачем нести этакий вздор!»

Вероятно, он знал себе цену, — странно было бы, если б не знал; какой же вообще другой музыкант так заслуженно знаменит, как он, в трех качествах: композитора, пианиста и дирижера? Но о себе самом он говорил не иначе, как с самой благородной сдержанностью и скромностью. Очень скромнен он был и в своей частной жизни. Сергей Васильевич любил повторять слова Сократа: «Сколько есть в этом мире вещей, которые мне совершенно не нужны!»